

Валерий Шубинский

ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ

Валерий Шубинский

Вверх по течению

НП «Центр современной литературы»

Шубинский В. И.

Вверх по течению / В. И. Шубинский — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-094-5

Валерий Шубинский родился в 1965 году в Киеве, с 1972 в Пушкине (Царском Селе) и Ленинграде. Печатается с 1984. Книги: «Балтийский сон» (1989, в составе сборника «Камера хранения»), «Сто стихотворений»(1994), «Имена немых» (1998), «Золотой век»(2007). Автор многочисленных критических статей, биографий Н. Гумилева, М. Ломоносова. В. Ходасевича. Один из кураторов сайта «Новая Камера хранения».

ISBN 978-5-91627-094-5

© Шубинский В. И.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Опыты описательной поэзии	7
A vision	7
День и ночь	8
Метро	9
Приключение	10
Как	11
Когда	12
Шестой каталог	13
Сентябрь 2007	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Валерий Шубинский

Вверх по течению

...Поэзия Валерия Шубинского – чудесный сплав акмеизма и символизма. С одной стороны, она очень близка к традициям Осипа Мандельштама: от Мандельштама и уникальный жанр «стихотворения-голограммы» (мгновенного голографического оттиска народа, города, ландшафта, культуры), и пристрастие к веществам (излюбленные Мандельштамом «соль–кремень–чернозем» дополнены «ураном, свинцом, серебром» и едва ли не всей таблицей Менделеева). С другой стороны, в этой поэзии налицо символистское двоемирие, от которого в ужасе бежал тот же Мандельштам.

Шубинский – ни в коей мере не сюрреалист (как принято считать). Красочные фантазмы его стихов – не с картин Сальвадора Дали; скорее, они соткались из величественно-жутких прозрений Иеронима Босха и Данте Алигьери. Шубинский – визионер, он прозревает в своих поэтических текстах очертания и реалии потусторонних миров. Открыто заявлять об этом человеку в здравом уме и трезвом рассудке – опасно (могут неверно понять)... Всякий читатель – сознательно или неосознанно, – осваивая стихи, понимает, с чем имеет дело: с выдумкой или с реальностью. Оттого так захватывающе чтение поэзии Шубинского, воистину подобное путешествию по удивительному и страшному «авантюристическому лесу». Беспредельный слух этого поэта на звучание слов, глубокое чувство ритма и просодии, тонкое понимание цветовых оттенков и фактур – все это всемерно помогает читателю путешествовать по увлекательным тайным вселенным (но отнюдь не подменяет собой маршрут).

Кирилл Анкудинов

...Вероятно – сейчас я полагаю именно так – это был выбор уже не эстетический, а нравственный: выбор любви к окружающей жизни – к людям, вещам, словам – мягким, теплым, понятным, любимым, или – лучше – выбор жалости к ним; нет, невозможно было их просто вышвырнуть, и в бесконечной справедливости и бескорыстной честности своей (так было не проще, так было сложнее и мучительнее, я полагаю) поэт захотел дать им право выступить на равных с дарованным ему «голосом извне», в его случае, напряженным голосом кристаллических форм, страшных человекоящерных изваяний, голосом ветра.

Олег Юрьев

...Ни великолепная архитектоника, ни сладкозвучные строфы, доставляющие гортани, воспитанной на русском слове, несравненные радости, не могут замаскировать напряжения и возбужденности речи, которая, представляется обращенной лично к тебе: «Послушай, вникни, тебе говорю».

Виктор Бейлис

...Стихотворения Шубинского устроены как грандиозные целостные цепные метафоры (что отличает их от метафорического конструктивизма метареалистов). Можно сказать, что многие стихи Шубинского в основе своей нарративны, однако сюжет их на каком-то этапе «изъят», преображен в след сюжета. Поэт сообщает не столько о событиях, сколько об обстоятельствах; лирическое

«я» воспринимает мир сквозь призму невротического искривления, не отменяющую, впрочем, но подчёркивающую подлинность окружающей действительности.

Данила Давыдов

Стихи Шубинского я знаю давно – скоро уже тому будет двадцать лет. Есть в них черта, по-моему, сохраняющаяся от самых ранних стихотворений и до сих пор – глубокая погруженность внутрь, не обращение нараспашку к миру, а вбирание мира в себя и там уже, во глубине, проращивание его – стихами. И он действительно прорастает.

Наталья Горбаневская

Опыты описательной поэзии

A vision

T

Темное тело грядущего лета.
Липы дырявые в светлом дыму.
(Мелком на асфальте – вопрос без ответа.
Ответа – чьего? Обращенный – к кому?)

За́ домом ночь немного белее.
Возле развязки – совсем не бела.
Едет машина, вздыхая и бляя.
Блеск на стекле, блик от стекла.

И к, прости Господи, лесопарку
Тянется мокрый, мерцающий след.
Это трехглавую вывел овчарку
Мертвый сосед.)

Быстрое темное тело вбегает
В дым, распадается в нем.
(Дым – на помойке, там мусор сжигают.
Дым над невидимым желтым огнем.)

Что ж это значит? Лесные пожары
(Едкая, пасмурная пустота
Сразу за выездом на Шушары
С Вантового моста)?

2006

День и ночь

И древние дворы, и новые дворцы
Из темного желе и светлого железа,
И грязные шуршащие столбцы
На простынях прессованного леса,

И бризы площадей, и улиц сквозняки,
Толкающие взад-вперед по тверди
О четырех колесах сундуки,
Дрожащие под ветрового Верди,

И пушка над рекой, и корюшка в реке —
Уму не поделить, не перемножить зренью,
Не увезти в дрожащем сундуке
Подречной полостью в кудыкину деревню.

А там какие-то чудные существа,
Сбежавшие от древнего юнната,
Рычат – и рык походит на слова,
Которые и понимать не надо.

Но в час, когда ольха за шторой проскрипит
И взвизгнут подметальные машины,
Ты вдруг проснешься, как и все, кто спит:
Складные женщины, упругие мужчины.

И сразу вспомнишь все, что видел наяву
И то, что не вместилось в окоеме:
Суда, уютяющие мятую Неву,
Ондатры в норах, стулья в тихом доме.

И ржавый шланг, и облысевший кот,
И дяденька с зонтом, что вышел к остановке —
Все обретет свой смысл, добудь лишь код,
И слепится в слова, как черточки в шифровке.

А если этот смысл к утру сгорит дотла,
Хоть звуки голые ты выведешь из ада,
И подберешь им вновь значенья и тела,
Хотя тебе и знать-то их не надо.

2007

Метро

Марина Олеговна, Виктор Сергеевич,
Гаврило Романович, Петр Ильич,
Роальд Ибрагимович, Марк Моисеевич,
И Штубе, и Нестор Фомич —

Хористки, бандиты, солдаты
И бывшие члены бюро
Все едут и едут куда-то
В удобных и длинных вагонах метро.

В газете «Известия» ищут известия,
А то забываются сном,
А то поглядят, как плюются созвездия
В натянутой тьме за окном,

А то начинают болтать о погоде,
Любви, сериалах, болезнях детей —
И едут, покуда не сходят
На станции каждый своей.

И дальше – в служебные зоны,
В зияющий черный тоннель
Увозят пустые вагоны
На час, на неделю, на много недель.

2006

Приключение

Что это за тело на диване
Распростертое, лежит?
Может, это тело дяде Ване
Или Гамлету принадлежит?

Он сейчас себе в висок отправил пулю,
Чтоб у ночи вытянуть ответ,
А она ему показывает дулю,
Отвечая разом «да» и «нет».

Нарисованы таинственные знаки
На полу, на двери, на окне.
Воют за стеной хохлатые собаки,
Саламандры плавают в огне.

Может, это Гамлет, может, римский папа,
А быть может, Вечный Жид.
Может, он сейчас наденет плащ и шляпу
И в аптеку побежит.

Может, адский клерк его читает имя
На полу, на потолке.
Муха лапками стучит сухими
У него на кадыке.

2009

Как

Как это случилось? Да так и случилось.
Сначала сверкало, потом излучилось.

Не поднял никто телефонную трубку,
Не видел, что в раковину натекло,
Никто не заметил жирдяйку-голубку,
Чесавшуюся о стекло,

Никто не заметил, как фыркнула такса
Сквозь дрему, хвостом полируя паркет,
Как нервно на вешалке шарф заметался,
Всплеснул рукавами на полке жакет,

Как вдруг прекратилось гудение лифта,
И ключ зазвенел, и раздался щелчок,
И книга раскрылась, и вылез из шрифта
Какой-то насмешливый новый значок,

Как хлопнула створка пристенного бара,
И задребезжала в стакане вода,
И роза пахучего пара
Над ней распустилась, и шлепанцев пара
Пошла – непонятно куда.

2006

Когда

Когда по урочищам лиц и вещей
Растекается спрей дождевой,
Они тоже земля, и по ним, и по ней
Он ползет, живой-неживой.

Он льется по сморщенным листьям травы
И по гнутым веревкам травы,
Он льется во рвы, он льется во рты,
Он льется в моей крови.

Он течет по одной пологой дуге
(Кровь – по двум подмятым кругам),
Он дрожит у мужчины на кадыке
И скользит по женским рукам.

Течет, пока нечет, а станет чет —
Земля, жива-нежива,
Потечет, как речь, наполняя рот,
Поднимаясь вверх, как трава.

(Поднимаясь вверх, трясется земля,
Потому что щекотно ей:
В морщину листа по веревке стебля
По капле стекает спрей).

2007

Шестой каталог

Ты идешь поглядеть, как глядят бородки
Надменные лылые рыбаки,
И как сносит их остродонные лодки
Вниз по течению мелкой реки.

А день поднимается, не хуже, чем прежде,
И скоро опять начнется игра
Пяти пятиклассников в осенней одежде
В заштопанный мяч на краю двора.

А тень за спиной становится черной,
Становится синей, глотает свет,
Во дворе ругаются пес и ворона,
Через час ты вернешься – их уже нет.

Жигули у подъезда стоят на старте:
Бока недомыты, глаза пусты.
Пять пятиклассников становятся старше,
Знакомых ворон съедают коты,

И новые птицы спорят с новыми псами
(Короткокрылы, невелики),
И бобры поднимаются, гребя усами,
Вверх по течению мелкой реки.

И сносят ларьки, возводят лабазы,
Сносят лабазы, разбивают газон,
И брикеты земли привозят Камазы,
И Газы газуют в проулке косом,

И свежестроенный дом покрывают
Зеленой сверкающей чешуей,
И каждую зиму всегда забывают
Каждую следующей зимой,

И у снеговиков вырастают руки,
В головах прорезываются зрачки,
Но каждой весной уходят их внуки
Вниз по течению мелкой реки.

И старухи высовываются из окон
И кричат в полосатую пустоту,
А потом навсегда свиваются в кокон
И засыпают с иглой во рту.

И старики, проходя вразвалку
Мимо зеленых стен поутру,
Видят порванный мяч, венчающий свалку,
И не могут снова начать игру.

И какие-то лысые тени в лодках
Не различают, где тень, где вода,
И порою роняют из рук неловких
Плоских рыб, здесь не виданных никогда.

И облака, равномерно-волнисты,
Распускают припухшие завитки
Вверх по теченью мелкой и вниз по
Теченью глубокой реки.

2007

Сентябрь 2007

Зеленые с прожелтью клены московские,
Осины – немного желтей,
Их пальцы, морщинистые и несколькокие,
С гирляндами круглых ногтей.

Над ними – заплаканных луковок олово
И башенок смешанный лес,
И косматые сумерки на голые головы
На канатах спускают с небес.

Куда открываются двери из терема,
Когда мостовые черны
И в целости диск, но изнанка утеряна
У ситной столичной луны?

И кто надзирает кремли эти новые,
Когда после тайной грозы
Московские клены на спины бубновые
Нацепляют прохожим тузы?

Не я ли уж это? Нет, это не я уже —
А были когда-то и мне
Дикие и прельстительны узкие Яузы
С немymi сомами на дне.

С растерянным солнцем в ветвях пропадающий,
Чтобы вновь народиться с луной,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.